

ЛИНГВИСТИКА

ИЗ ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ АРМЕНИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЧАСТЬ I

А.Б. АБГАРЯН
ЕГУЯСН им. В.Я. Брюсова

Изучение тысячелетних армяно-русских взаимоотношений до настоящего времени продолжает желать лучшего. Более лакунарный характер носит исследование языковых связей, ограниченный древним и новейшим периодами. За пределами внимания лингвистов остался период XVIII-XIX вв., многочисленные письменные источники которого сохранили информацию об армянских проникновениях в русский язык. Среди них следует назвать *нариндж*, *вардапет*, *сгнах*, последние два из которых не нашли отражения в историческом словаре русского языка XVIII в.

Ключевые слова: *источниковедение, армяно-русские языковые связи, заимствования, арменизмы.*

Известно, что экономические, политические, военные и культурные взаимоотношения между народами способствуют обогащению их языков, свидетельством чего являются и заимствования. Не представляют исключения и русско-армянские связи, имевшие место еще до образования Киевской Руси. В период расцвета этого восточнославянского государства экономические и культурные связи с Арменией активизировались. В результате освоения армянами Каспийско-Волжско-Балтийского торгового пути, принятого именовать «армянской дорогой», поселения армян появились в России задолго до татарского нашествия. В средние века армянские ремесленники, торговцы, врачи обосновывались также во Львове, Киеве, Москве, Нижнем Новгороде, в дальнейшем – в Астрахани и других городах России. И на фоне столь тесного, более чем тысячелетнего сотрудничества поражает малочисленность установленных свидетельств русско-армянских языковых связей, в частности, мизерность выявленных арменизмов русского языка, основную причину чего прежде всего следует усматривать в недостаточной разработанности проблемы. За некоторым исключением эта лакуарность относится не только к древнейшему периоду [10].

В небезызвестном рукописном «Парижском словаре московитов» /1587/, увидевшем свет благодаря стараниям французского слависта П.Буайе и Б.А. Ларина, при перечислении используемых в Московской Руси различных красок автор упомянул и русское соответствие французской лексеме: «Orange.

Norenge sevuët *норанж цвет*» в значении «апельсиновый цвет». Это созвучие в русской и французской частях словаря П.Буайе пытался ошибочно объяснить опечаткой или осведомленностью толмача в арабском языке. На несостоятельность таких предположений указал Б.А. Ларин, заметив, что несовпадение обеих половинок словаря исключает первое допущение: слово это известно в русском языке и «к тому же не арабского, а персидского происхождения, хотя во французский оно попало действительно через арабское посредничество» [13: 303]. Впрочем, указание Б.А. Ларина на персидский источник также нуждается в дополнительных разъяснениях, ибо установление языка заимствования требует выявления не всегда идентичных языка-источника и языка-посредника (т.е. определения генетического и исторического языка).

Сведения этого словаря на столетие опережают оригинальные упоминания: в памятниках Московского государства формы *наранжа*, *неранжа*, *нерамжа*, так именовавшие плоды и дерево, встречаются лишь с середины XVII в. Кстати, составители многотомного «Словаря русского языка XI-XVII вв.», признавая необычность этой лексемы для русского языка, не случайно ссылаются на современное арм. слово *нариндж* (в словаре опечатка *нарандж*), ибо по большей мере фрукт поставлялся в Московию доминировавшими в персидско-русской торговле армянами. По мнению армянского этимолога Г.А.Ачаряна, для арм. նարինջ, նարինջ, [narintsch, narindj], грузин. *наринджи*, среднеперс. *наранг* и новоперс. Существительного *нариндж* и прилагательного *наринджи*, араб. *nāranj* (в арабском нет *g*) первоисточником является индийский язык: санскрит. *nāraṅga* (сокращенное из *nāga* «медь» *ranga* «цвет, оттенок»), гуджарати *наранги*. С помощью арабов плод и его название получили распространение – афган. *nāranj*, венгр., албан. *naranc*, курд. *nāranj*, латин. *narantium*, хиндус. *naranj* [4: 431]; греч. *неранци*, итал. *narancia*, испан. *paranja*, *paranjilla* и *arancia*, португ. *laranjeira*; *laranja* и пр. Испанско-итальянское слово подверглось дальнейшей метаморфозе: лексема *narancia*, очевидно в результате декомпозиции с артиклем *unparancia* трансформировалась в *un arancia*. Форма *arancia* была заимствована французами как *arange*, видоизменилась в *orange*, откуда в виде цветового обозначения «оранжевый» проникла в русский язык. К слову, в более южных областях Индии и на Цейлоне португальские купцы обнаружили родственный более сладкий цитрус, назвав его *potto d'arancia* «апельсиновым яблоком», что в немецком языке изменилось в *Pommeranz*, откуда в виде *померанец* был перенят в русский язык.

Армянское слово в значении цветового обозначения отмечается уже с X века [18: 567], что увеличивает вероятность армянского посредства. Об этом свидетельствуют и материалы, извлеченные из фондов Российского государственного архива древних актов [РГАДА]. Опубликованные в сборнике «Армяно-русские отношения в XVII веке» эти письменные источники сохранили свидетельства о том, что армянские купцы из Персии русскому царю неоднократно привозили апельсиновую водку. Так, в составленной русским чиновником в марте-августе 1660 г. росписи даров, поднесенных царю Алексею Михайловичу прибывшим от Армянской торговой компании ходжой Закаром Саградо-

вым, наряду с инкрустированным алмазным тронem и композицией «Тайная вечеря» известного армянского художника Богдана (Аствацатура) Салтанова можно обнаружить *скляницу водки нарызжовой*, несколько позднее при повторном перечислении также названную *нарынжевой* [2: 22]. Неотмеченное цитируемым многотомным историческим словарем это прилагательное по своей огласовке созвучно армянскому произношению и в памятниках датируется близким к однокоренному существительному временем. По этой причине если об историческом посреднике для заимствования раннего названия этого фрукта в русский можно только строить предположения, то относительно языка-посредника для однокоренного прилагательного сомнений быть не может.

Своего включения в русский тезаурус ожидает и известный по различным памятникам деловой письменности экзотизм *вардапет* в значении «высокообразованный в докторской степени армянский богослов, проповедник, наставник, легат, управляющий церковными делами и др.». В современной литературе этот титул соотносится (иногда не вполне адекватно) с «архимандритом» и «протоархимандритом», а в Европе *вардапет* приравнивается к степени магистра богословия. В армянской духовной иерархии звание *вардапет* известно минимум со времен Судебника Мхитара Гоша (XII в.) и имеет 14 ступеней: первые 4 дают право на звание частного, остальные 10 - на звание верховного вардапета.

Если не принимать во внимание единичные транслитерации *vartabed*, переводы слова в виде *usta* или *övrätüci* и польское толкование *Bozky nauczyciel*, которые встречаются в собранных и изданных А.Н. Гаркавцем письменных памятниках языка кыпчакоговорящих армян XVI-XVII вв., то проникновение лексемы *вардапет* в русский и одновременно – некоторые западноевропейские языки можно соотнести с концом XVII в. С этого времени вардапет Минас Тигранян /1658-1740/, в сане архимандрита ранее служивший настоятелем монастыря в Нагорном Карабахе, в русских памятниках стал называться товарищем Исаэля Ори /1659-1711/, известного представителя армянского освободительного движения. Раннее упоминание этого религиозного чина можно обнаружить в сборнике документов Г.А. Эзова о связях Петра Первого с армянским народом: основ словосочетаниях *vardabied Nahabed вардапет Наханет* и *vardabied Etienne Dchougaiesti вардапет Симеон (?) Джугаеци* отмечается во французском переводе послания армянских меликов к папе римскому, датируясь 19 апреля 1699 года [15: 4]. Позднее лексема трижды упомянута в армянском оригинале и латинском варианте «Послания армянских меликов к царю Петру Алексеевичу» от 29 апреля 1699 года, с которого за отсутствием знатоков армянского был сделан русский перевод для царя. В послании сообщается, что, желая освободиться от персидского и турецкого ига, армянские мелики трижды послали тайных послов в различные европейские страны. Из них только последнему Исаэлю Ори удалось достичь Европы, а отсюда – переправиться в Россию: «Девятнадцать лет уже тому суть, что господин Исаил Ори труждается и страдает нас ради. Подали ему волю, яко что-нибудь он с Вашим Величеством договорится, мы то нерушимо будем иметь. При сем выбрали

Минаца (так!) вартапета, аббата аббатии Святого Якова и послали его с прежде-
дереженным господином Израилем Орием, понеже оба наши дела ведают» [15:
26]. Желая преодолеть недоверие русских к себе, прибывший окружным путем
через Европу карабахский посланник передал в царскую канцелярию для озна-
комления и другие документы из дипломатической переписки армянских ме-
ликов с европейскими государями. Например, в написанных не позднее 13 ок-
тября 1700 г. Послании армянских меликов и ответе от Пфальцского курфюрста
именование армянского богослова представлено названиями *Domino Minas*
Vartabet, *Domino Mina Vartabete* и *dominus abbas Minaces* [15: 57, 59, 60, 61],
что в русской копии подъячим было соответственно переведено в виде *госпо-
дин Минас Вартапет* и *господин Минас абас*. А в русском переводе с латин-
ского ответа, направленного цесарем Священной Римской империи армянским
ходатаям, словам *Minas Vartabet*, *abbas mitratus magnae abbatiae Sancti Jacobie*
соответствуют «*Минас вардапет*, *абас митратус абации святого Якова*» [15:
65]. Это позволяет предположить, что очевидно арменизм продолжал воспри-
ниматься как неотъемлемая часть имени собственного. В дальнейшем в рус-
ских деловых письмах, в записях расспросных речей и пр. из Государственного
посольского приказа 1700-1721 гг. эта духовная особа именовалась неизменно
как *Минас вардапет*, или *армянской веры абаз Мина вартапет*, или как *духов-
ная особа вартапет Минас абас* [15: 69, 70, 94, 137, 169, 249 и пр.].

Примечательно и смысловое становление варваризма в русском языке. Если
первоначально отмечается желание русских дьяков занизить значение арм.
вардапета, соотнеся с латинско-русским *аббат*, то в упомянутом письме цеса-
ря духовное звание Минаса приравнивается уже к *абасу митратусу*, т.е. к
«архимандриту с шапкой». В записи посольского приказа от 7 ноября 1702 го-
да о перехвате двух писем от курфюрста Баварского к армянам Израэлю Ори и
Минасу слово *wartaped* уже толкуется как «патриарший наместник» [15: 138].
А в Сенатском указе за номером 3400 «О соблюдении Греко-Российскими свя-
щенниками церковных правил при крещении и браке Армян» от 5 июля 1719
года армянский *вардапет* приравнивается к православному *архиерею* «высше-
му чину монашествующего духовенства (епископ, архиепископ, митрополит,
патриарх)»: «По доношению армянского Архиерея Минаса о крещении Ар-
мянъ и о браке их, Российским священникамъ чинить по правилам церковным,
а противно того отнюдь никому не чинить, и того смотреть Игнатию,
Митрополиту Сарскому и Подонскому» [1719 г. Июля 5. – 1: V, 721; 1: I: 10].

С марта 1711 г. делами армянских меликов стал руководить государствен-
ный канцлер и тайный советник граф Г.И. Головкин, личную переписку с ко-
торым И.Ори в качестве якобы западноевропейского посла к персидскому
шаху осуществлял через *Минаса вардапета*. Иное написание с заглавной *Вар-
табет* можно обнаружить в письме этого двойного агента на имя царя от 20
марта 1711 года [15: 270]. После смерти И.Ори вся резидентская связь стала
осуществляться через хорошо осведомленного вардапета Минаса. Русские ко-
пии его донесений этого периода, переводившиеся неким армянином Мироном
Мустафиним, впервые обнаруживают и изолированное употребление этого

существительного и однокоренного прилагательного: «Те письма с армянского языка переведены на словенский язык со слов вартапедовых через толмача Мирона Мустафина. А о персидских ведомостях он вартапед против письма ориева спрашиван – может ли он вартапед те ведомости ему секретарю за секрет сказать» [15: 262-286]. Годом позже обе формы упомянуты и в жалобе графа Г.И. Головкина к Правительствующему Сенату о бесчинствах и присвоении Астраханским губернатором П.М. Апраксиным пожитков, вещей, товаров и гостинцев для царского величества, которые псевдопосланник не довез по причине смерти [15: 297]. Начиная со второго десятилетия XVIII столетия Посольский приказ обзавелся и другими армянскими толмачами (Лука Ильин сын Ширванов, Богдан Христофоров), переводившими письма вардапета Минаса для русских подьячих. Эти собственноручные донесения вардапета они нередко завершали припиской: «подписал армянский архиерей вартапед своей рукой армянскими литеры». Лексема *вардапет* упомянута и в мемориях, пасах и наказах Петра I русскому посланнику в Персии Вольнскому. Приводимые Г.Эзовым документы выявляют графическое разнообразие в воспроизведении этого слова: в них встречаются воспринятые на слух с конечным оглушенным согласным формы типа *вартапету*, *вартапета* [15: 26, 70, 94, 294, 346], гиперкорректные написания в виде *вартабет* [15: 294, 328] и *вартапед* [15: 262, 284, 286, 328], – вариативность, сохранившаяся и в следующем столетии.

В XIX веке исследуемая лексема находит отражение в повествованиях русских об Армении. В 1828 году в редакторской статье из «Московских ведомостей» можно обнаружить, что, несмотря на погромы, «армянская церковь существует еще в полной силе. Кроме епископов, священников и диаконов, она имеет еще так называемых *вертапитов* (так!), или духовных учителей; народ почитает их людьми весьма учеными; им позволено говорить проповеди сидя» [11: с. 1353]. В четырехтомном «Обозрении российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях» /1836/ при описании Карабахской провинции анонимный автор обращает внимание, что «армянское духовенство делится на *черное* (вардабеты, архиепископы, епископы, архимандриты) и *белое*, т.е. священники, дьячки и весь церковный причет» [12: III: 268]. В середине века в своем «Историческом памятнике состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи» /1582/, удостоенной высокой премии императорской Академии наук, известный историк И.Шопен обращает внимание на орфографическую нерешительность в русских переводах – *вартапет* и *вардабет*, хотя при описании армянской духовной иерархии он указывает устоявшееся написание: «Епископам поручался обыкновенно один город с соседними деревнями; значительные местечки находились под надзором хор-епископов, – звание, ныне заменяемое викариями или вардапетами... *Вардапет* – слово это, которым армяне вообще называют своих монахов, значит в буквальном смысле доктор теологии или проповедник, или же наставник в богословских науках. В вардапеты посвящали людей ученых с глубокими сведениями и безупречной жизни.» [14: VII: 674]. Несколькими годами позже лексема была пояснена и в

русском переводе исследования «Нынешние армяне» французского ориенталиста Жака-Поля-Франсуа-Эдуарда Дюлорье /1807-1881/: «После католикоса в служебной иерархии идут архиепископы, епископы, священнослужители или *дердеры* [т.е. арм. տերտեր «святые отцы»]. Дердеры до поступления в духовенство обязаны жениться; высшему же духовенству и монахам брак запрещен. Духовные сановники избираются из монахов. Из них же избираются и *вартабеды* или богословы, обязанность которых поучать и проповедовать» [7]. В конце столетия о сохранении высокого духовного авторитета института вардапетов можно прочесть в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона /1890-1908/. Тогда же на необходимость включения лексемы в словник иностранных слов указал «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» А.Н. Чудинова /1910/. В качестве синонима к словам *архимандрит* и *проповедник* лексема *вардапет* названа и в «Словаре синонимов ASIS» В.Н. Тришина /2010, 2013/, а с пояснением «учений чернець у вірменів» отмечается также в «Великом тлумачном словнику сучасної української мови» под редакцией В.Т. Бусела [5: 112], чего нельзя сказать о современных русских словарях.

Лексема *вардапет* встречается и в некоторых исторических исследованиях, например, в «Очерках по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв.» И.П. Петрушевского /Л., 1949/. Слово и его толкование для русского читателя приводится в «Истории Египта вардапета» в переводе П.Шаншиева /Тифлис, 1852/, в «Истории халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в.» в переводе К.Патканова /СПб., 1862/, в «Повествовании вардапета Аристахеса Ластивертци» /М., 1968/, в «Книге историй» Аракела Даврижеци /М., 1973/, в русском переиздании «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци /Ер., 1990/, в исследовании «Меликства Хамсы» и историческом романе «Самвел» /1886/ крупнейшего армянского исторического романиста Раффи /1835-1888/. Слово включено и в список пояснений армянских реалий в книге «Сорок дней Муса-дага» австрийского гуманиста Франца Верфеля /1933/, увидевшей свет на русском языке в 1988 году и мн. др. Наконец, в виде антропонима *Вардапет* можно обнаружить в русских онлайн именословах; этим именем назван и некий южный персонаж в романе «Налог на убийство: оплачено кровью» В.Виноградова.

Таким образом, выявляемая частотность употребления позволяет включить *вардапет* в современные словники русских академических словарей, благо, прецедент имеется.

К эпохе Петра Первого следует отнести и русское заимствование арменизма տղնախ [sghnach] *сгнах* или *сыгнах*, хотя в русскоязычных исследованиях армянских историков преобладает орфография *сагнах*. В словнике «Диалектного словаря армянского языка» /2001-2012/ со ссылкой исключительно на карабахский говор армянского языка лексема տղնախ [sghnach] представлена двумя статьями в значениях «железное кольцо, прикрепляющее железную косу к древку» и «убежище, крепость» [16: 5: 365]. В значении «крепость» историзм *сгнах* отмечается и в «Толковом словаре современного армянского языка» Е.Б.

Агаяна /1976/ [16: 1311]. Последнее значение историзма в упомянутых словах отражается чрезмерно обобщенно и, следовательно – неполно. Оно этимологически уподобляется азерб. *сыгнах* в смысле «убежище, приют» и соотносится с глаголом *сыгырмаг* «искать убежище или защиты» (ср. тюрк. *siĝnak* «пещера, убежище»), что также необоснованно в историческом аспекте.

По мнению Г.Т. Малхасяна, специально занимавшегося историографией сыгнахов Карабаха и Сюника, армянские исследователи становление этих «оборонительных, военно-политических центров или объединений восставших армян» связывают со вторым десятилетием XVIII века. Первоначально призванные противодействовать участвовавшим набегам горцев Дагестана эти объединения в дальнейшем переориентировались на антиперсидскую и антитурецкую освободительную борьбу, одновременно осуществляя также государственные и дипломатические функции [9: 85-93]. В этой связи словарную статью армянских словарей следует пополнить толкованием «оборонительное, военно-политическое объединение; центр самозащиты армян; лагерь армянского войска», что сопоставимо со словосочетанием *армянское собрание*, которое наряду с заимствованной лексемой употреблялось в русских памятниках. С этим перекликается и свидетельство британского путешественника и купца Джонаса Ханвея, данную форму армянских укрепленных районов определившего словами «*нечто вроде республики*»: «Зима [1727 г.] прошла без каких-либо событий, достойных упоминания за исключением того, что Сави Мустафа, который покинул Ганжу, губернатором которой он был, и рассеял армян в окрестностях Шемахи. Эти люди, учитывая нынешние обстоятельства, образовали нечто вроде республики, которая, как мы упомянули, отличилась тем, что нанесла полное поражение армии из шести тысяч человек, которых Абдулла паша послал против них прошлым летом» [19: 252].

Первое упоминание заимствования можно обнаружить в составленных Государственной коллегией иностранных дел записях расспросов недавно прибывшего армянского священника Антона Аракелова. 26 ноября 1723 года он свидетельствовал, что карабахские армяне свое освобождение от персидско-турецкого ига видят исключительно в русской военной экспедиции. При ее подходе к Шемахе к ней, по утверждению священника, присоединится и армянское войско, которого «много имеется ныне в собрании в горе, именуемой *Согнаге*» [15: 362]. Сведения о сильном армянском ополчении русским показались баснословными и подверглись проверке. Не случайно, 1-го февраля 1724 года русский подданный Иван Карапет цифирными¹ литерами (тайнописью) доносит князю Баратынскому, что он, царское обращение-указ к армянскому народу «под видом нищенским... взяв, с Божьей милостью в девятый день доехал в армянский маленький Согнах, а оттуда поехал в большой Согнах» [15: 365]. Перепроверялась и личность самого священника, и уже 19 марта 1724 года генерал М.Матюшкин доносил в иностранную коллегию, что Антоний Аракелов действительно прибыл в Баку «нарочно от собрания войска армянского из мес-

¹Вспомним из «Полтавы» А.С. Пушкина: «Во тьме ночной они, как воры... Слагают цифр универсалов...»

та, именуемого Сагнаху» [15: 368]. Отмечаемая в виде топонима с заглавной буквы лексема тем не менее толковалась и чередовалась, повторим, со словосочетанием *армянское собрание* (из армянского *Հայրդ տղիւն*, наряду с *տղիւնի*) или *собрание армянское в провинции Карабахской*, о чем свидетельствуют приводимые Г.Эзовым выписки из документов иностранной коллегии [15: 386-388, 390]. А из записи словесных заявлений названного армянского попа Антония и купца Кевги Челеби от 5 ноября 1724 года можно уяснить, что в это время армянское собрание с юзбашем Аваном было расположено при деревне Шош [15: 429].

С приходом к власти Екатерина I Алексеевна /28.02.1725-06.05.1727/ продолжила внешнюю политику мужа в отношении армян, и взаимоотношение с армянским собранием неоднократно обсуждалось во время заседаний Государственной коллегии иностранных дел. Об этом свидетельствует и запротоколированная на Верховном тайном совете и переведенная на армянский язык упоминавшимся Л.Ширвановым «Грамота ее императорского величества к армянскому собранию и всему честному армянскому народу» от 22 февраля 1726 года [15: 439]. Осенью того же года главнокомандующий войсками на Кавказе, генерал-аншеф, князь В.В.Долгорукий напомнил императрице о сагнацких армянах и выехавших оттуда в Россию юзбашах: минул год, как «перед отъездом его из Рязца приехали к нему от армянского собрания, называемого от них *Сагнак*, посланные юзбаши просят помощи...» [15: 435-436, 438-439].

Обнадеживающая лишь на словах политика в отношении армян не изменилась и в период непродолжительного воцарения императора Петра II Алексеевича /06.05.1727-19.01.1730/, о чем свидетельствует донесение ему А.И. Румянцева из Баку: от армян он не имеет покою, они беспрестанно докучают, чтобы он направил к ним в Сагнаки российские войска: «доношу Вашему императорскому величеству: тому несколько лет назад, по указанию блаженные и вечно-достойныя памяти его императорского величества имеем мы в Сагнаках армянское собрание и имеем с турецкими войсками беспрестанные баталии». Несколько далее в этом же донесении лексема представлена в формах *Сагнага*, *армянском Сагнаге* /сиречь в собрании/ [15: 439]. Однако в целом в бумагах А.И. Румянцева и иностранной коллегии выявляется использование формы во множественном числе, объяснение чему можно обнаружить в заявлении, сделанном в коллегии иностранных дел посланным от армянского собрания юзбашой Тарханом: «Армянское собрание состоит в четырех военных частях, в которых имеются начальники шесть человек, а именно Аван и он Тархан, и еще Абрам, Уан, Багы, Авак, в команде которых находится с 30 тысяч человек военных, а кроме тех военных людей поселян и купецких людей у них нет, опричь тех, которые приезжают и отъезжают с купечеством из разных мест торговать, которым никакого препятствия как в приезде и отъезде, так и в купечестве не чинится; и живут они армяне в крепких местах, в горах, и как они надеются, что никто их по крепости местоположения и по силе их взять и оными местами овладеть не может» [15: 444].

Слово *сгнах* было известно и употреблялось в официальной переписке и при императрице *Анне Иоанновне* /1693-1740/. В донесении на ее имя от 14 сентября 1733 г. о возможности при помощи армян завладеть Малой Арменией, именуемой «*армянскими сигналами*» барон Петр Шафиров предлагает: «...И ежели возможно сим или другим образом, о котором в общем нашем з генералом Левашовым доношении объявлении, а имянно: через армян сыгнацких сей город [Шемаху], не упуская времени, взять, то б мочно всего Малою Армениею, или ныне называемыми армянскими сыгнаками, завладеть, которые земли все армянскими храбрыми христианами населены, и оные сами собою несколько лет как от турок, так и от персиян оборонялись» [3: 35]. Несомненно слово продолжало оставаться в употреблении и в Иностранной коллегии, о чем свидетельствует подписанный фактическим руководителем русской внешней политики при Анне Ивановне *А.И. Остерманом* «Доклад по ходатайству служащего в армянском эскадроне полковника Лазаря Христофорова и вышедшего из Персии Авана юзбаши с резолюциею императрицы» от 26 июня 1734 года, где неоднократно употребляются написания *сагнак* и *сагнацкие армянские старины* [16: 458,459].

Дальнейшую судьбу этого заимствования в русском языке проследить сложно. Впрочем, в русском языке слово обнаруживается также в виде топонима *Сигнах*, так называвшем уездный город в Тифлисской губернии (совр. *Сигнахи* в восточной Грузии), географическое местоположение которого удивительнейшим образом схоже с карабахско-капанскими *сгнахами*. Прямых указаний на связь этого названия с упомянутыми *сгнахами* нами не обнаружено. Но сведения о том, что армян по их просьбе в это кахетинское ущелье поселил грузинский царь Ираклий II (1720-1798), что в 1772 году в крепости и ее окрестностях проживали 84 армянских князя [*мелика?* – 6: 200] и что большая часть населения города до середины XIX века составляли армяне-торговцы и ремесленники [18: 41], следует признать вескими аргументами. Таким образом, слово *сагнах* при многообразии своих графических вариантов заслуживает своего включения в глоссарий русского языка XVIII века.

В целом следует признать, что заимствования слов *вардапет* и *сгнах* позволяют пополнить тезаурус русского языка и обнаружить новую сторону многогранных армяно-русских языковых связей, исследование которых потребует еще немало усилий лингвистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты истории арм. народа. М., 1833. Т.1
2. Армяно-русские отношения в XVII веке: сборник документов. Ер., 1953. Т. I.
3. Армяно-русские отношения во втором тридцатилетии XVIII в. Ер., 1978. Т. III.
4. *Ачарян Р.А.* Этимологический словарь армянского языка. Ер., 1971-1979. Т. 1-4.
5. Великий тлумачний словник сучасної української мови. Киев, 2005.
6. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809.
7. *Дюлорие Э.* Нынешние армяне. Тифлис, 1856
8. *Иоселиани П.И.* Путевые заметки по Кахетии. Тифлис, 1846

9. *Малхасян Г.Т.* Сигнахи Арцаха и Сюника: к историографии вопроса// К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении. Ер., 1991.
10. *Меликсет-бек Л.М.* Древняя Русь и армяне//Сборник АН Арм.ССР. Ер., 1946. Т. 1.
11. Нечто об армянах // Московские ведомости, 1828.- No 31
12. Обзорение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографском и финансовом отношениях. СПб., 1836.- Ч. I-IV
13. Парижский словарь москвитов. 1948.
14. *Шопен И.И.* Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи.
15. *Эзов Г.А.* Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898.
16. *Աղայան Ե.Բ.* Արդի հայերենի բացատրական բառարան. Եր., 1976.
17. Հայոց լեզվի բարբառային բառարան. Եր., 2008. Հատ. 5.
18. Հազարյան Ռ.Ս., Ավետիսյան Հ.Ս. Միջին Հայերենի Բառարան. Եր., 2009.
19. *Hanway, Jonas, Merchant.* A Historical Account of the British trade over the Caspian Sea with the Revolutions of Persia. London, 1754. Vol. III, Part VIII.

ՈՌԻՍՏՑ ԼԵԶՎԻ ՀԱՅՎԱԿԱՆ ՓՈԽԱՌԻԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ. Ի-ին մասս
Ա.Բ. ԱԲԳԱՐՅԱՆ
ԵՊԼՀ

Հայ-ռուսական հազարամյա հարաբերությունների ուսումնասիրությունը մինչ օրս գտնվում է ոչ բավարար վիճակում: Բացթողումներով է լի լեզվական կապերի հետազոտությունը, սահմանափակված լինելով միայն հնագույն և նորագույն ժամանակաշրջաններով: Գիտնականների ուշադրությունից դուրս է մնացել 18-19-րդ դարերի բազմաթիվ ռուսական գրավոր աղբյուրներ, որոնց մեջ հիշատակում են հայկական բառեր: Այդ թվում են՝ *նարինջը, վարդապետն և աղնախը*, որոնք տեղ չեն գտել 18-րդ դարի ռուսաց լեզվի պատմական բառարանում: *Առանցքային բառեր. աղբյուրաբանություն, հայ-ռուսական լեզվական կապեր, փոխառություններ հայերենից:*

FROM THE HISTORY OF SOME ARMENISM IN THE RUSSIAN. Part I.
A.B. ABGARYAN
YSULS

By now, the study of multi-thousand-year-old Armenian and Russian relationships has left much to be desired. The research of linguistic affinity, limited by the ancient and recent periods, is somewhat of lacuna nature. Beyond the linguists' consideration has been left the period between the XVIII and XIX centuries, the multiple written records of which have preserved the information on penetration of Armenian into Russian. Of them «naringe», «vardapet», «sgnakh» are worth mentioning, the last two of which have been neglected in the History Dictionary of the Russian language of the XVIII century.

Key words: the history of original sources, Armenian-Russians linguistic, connections, loan-words, Armenisms.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 4 марта 2017 г., подписана к печати в номер 1 (110) / 2018 26.12.2017.